

её, мою первую книжку, напечатали в двух номерах журнала "Знамя", я страшно гордился.

Алфавит. - 2002 - июнь - с. 12-13.

ежедневно

Леонид Млечин: «От резолюции

В июне – июле 1997-го на телеканале "ТВ-Центр" были показаны документальные фильмы "Красный монарх" – о Ким Ир Сене и "Наследник престола" – о его преемнике Ким Чен Ире.

После выхода в эфир первой из программ её автор Леонид Млечин и его семья подверглись нападкам со стороны сотрудников посольства Северной Кореи. По решению руководства КНДР Млечин был приговорён к смертной казни. Сегодня этот "враг корейского народа" стал гостем "Алфавита".

– Так кто же вы: писатель, историк, политический журналист, телеведущий?

– Ну, разумеется, моя главная, настоящая профессия – писатель детективов. С детства обожал политические детективы. Все эти шпионские страсти: слежки, погони... Это звучит смешно, но я стал писать детективы в тот момент, когда понял, что всё прочитал. Первая моя книжка, детективная повесть "Хризантема ещё не расцвела", вышла, когда я закончил журфак. Её напечатали в двух номерах журнала "Знамя", я страшно гордился. Знаменитый журналист-международник Владимир Цветов, который тогда работал в Японии, прислал мне вырезку из одной токийской газеты. Там было написано: "В Москве напечатана повесть "Хризантема...". Автора мы не знаем, но очевидно, что он долго жил в Стране восходящего солнца и является её знатоком". Было так забавно – в Японии я тогда не бывал.

Телевидение для меня только хобби. Поэтому любимая программа, для души, – это "Поздний ужин", которая является художественной телевизионной экранизацией моих детективных сюжетов. В информационном жанре для фантазии места мало. А детектив – это ведь придуманная игра с читателем и зрителем.

Вторая по степени "любимости" – еженедельная документально-публицистическая программа "Особая папка" – это от моей безумной увлечённости советской историей.

Один из героев моего любимого писателя Джона Ле Карре дал определение, что это значит – попасть в архив: "Ты заходишь за маленькой страничкой справкой, она отсылает тебя к другому делу, дальше – больше... И ты выискиваешь оттуда только через неделю, постаревший и обалдевший от обилия свалившихся на тебя информационных кладов". Так мои квазиисторические исследования и происходят: от одной фамилии к другой, от одного обстоятельства к другому. Тебя захватывает бесконечный про-

цесс исторического познания, ты закапываешься в горы материала, и это безумно интересно. Я просто пытаюсь удовлетворить собственное любопытство. И хотя достичь абсолютной истины невозможно, как сказал Маркс, но приближаться к ней нужно. И всё время новое и новое. Вот, скажем, сейчас вышел новый том переписки Сталина с Кагановичем. Летней переписки, когда Сталин уезжал на дачу, а связь ВЧ ещё не работала. И вот из этой каждодневной переписки вдруг становится понятно: как и что в стране решалось, как обсуждалась та или иная проблема, что они друг другу говорили. Они ещё спорили, обсуждали, бывали откровенны, конечно же, не думали, что кто-то это увидит и прочтает.

– Можно заметить, что в исторических изысканиях вы не уделяете особого внимания социальным концепциям и обобщениям. Прежде всего вам интересны конкретные судьбы, вас более всего захватывает история человеческих поступков...

– Конечно, тем более что роль личности в истории оказывается всё больше и больше, чем это можно было предположить. Совершенно отчетливо видно, что принял бы человек иное

решение – и всё было бы радикально по-другому. Правда, личность может проявить себя только в том случае, если она попадает на стремнину, подхватывает волну, а не по бережку бежит. Но не всякий может эту волну поймать. Только одиночки.

– Вот. Слово "одиночка" произнесено. В названиях ваших программ акцентируется некое авторское инакомыслие – "Особое мнение", "Особая папка". В чём причины такой обособленности? Где вы находите те иные колокольни, с которых ежедневно обзвеваете нашу действительность? Неужели ваше мнение всегда расходится с общепринятым?

– "Особое мнение", которое я делаю каждый день, прежде всего нужно каналу. Это придумано не мной. Если быть честным – ненавижу политиков! И знаете, по понедельникам, когда я прихожу на работу и начинаю читать ленту новостей, у меня возникает ощущение физического отравления. И никакого "особого" мнения я не сочиняю. Я был против такого названия. Это же какая ответственность. Имеется в виду, что этот человек каждый раз скажет нам нечто такое, чего мы не услышим нигде! Я долго пытался объяснить, что не надо ставить передо мной такую задачу, так задирайте планку. Но канал настаивал, и я потом понял, почему. Это название позволяет компании в некоторых случаях ска-

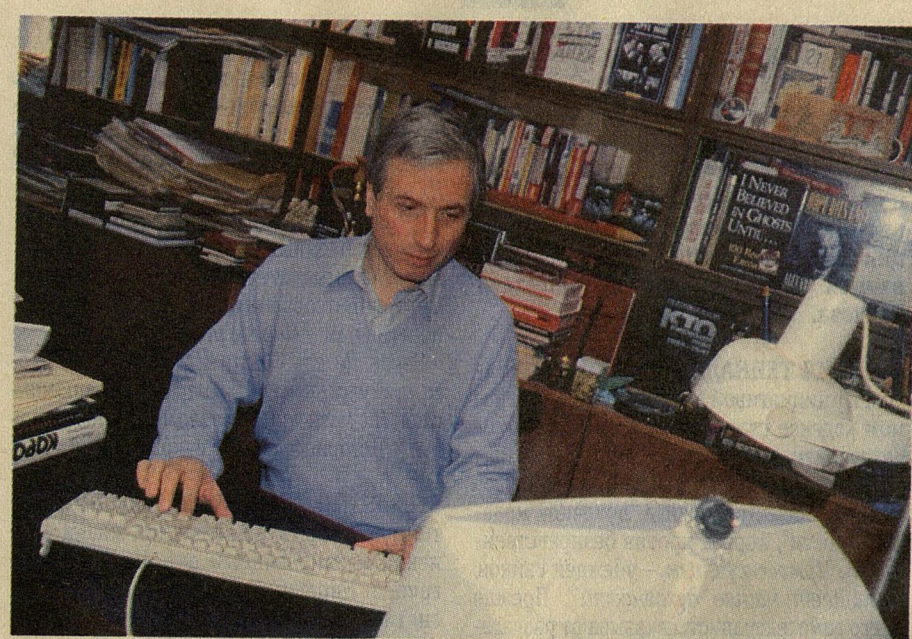
сли быть честным – ненавижу политиков!

зать: "Ну, понимаете, это же не наша позиция, это "Особое мнение" Млечина, он у нас человек своенравный и неуправляемый". Но дальше – хуже. Я говорю в этой программе вещи, идущие от самой что ни на есть нормальной житейской логики. И часто оказывается, что этот нормальный взгляд на положение вещей оказывается "особым". Потому что мир политики и мир средств массовой информации, обслуживающих политику и политиков, руководствуется совсем иной логикой. И самые естественные слова воспринимаются как неожиданные, соответствующие какой-то действительно "особой" точке зрения.

– Вы знаете, бросается в глаза ещё некоторая млечинская "осо-

бое" отношение к происходящему. Ведь его можно показать всего лишь движением бровей, уголка губ, интонацией.

Я не читаю текст по телесуфлёру. Он лежит передо мной, я, разумеется, его помню, потому что сам написал. Иногда я сверяюсь с написанным, иногда рассказ идёт немножко в другую сторону. Во всяком случае, зритель видит, что я ему не барабаню механически, что я смотрю ему в глаза, могу задуматься, могу запнуться, пе-

– особое мнение

"Расстрелять!" голова идёт кругом.

бость". Большинство ваших коллег на других каналах, работающих в жанре политического комментария дня, очень агрессивны, даже злобны. А вы, несмотря на отрицательные эмоции, которые, как выяснилось, сопровождают эту будничную работу, всегда остаётесь подчёркнуто корректным и благожелательным... Ну, может, иногда чуть ироничным.

– Вообще говоря, я не считаю возможным навязывать собственное

отношение к происходящему. Ведь его можно показать всего лишь движением бровей, уголка губ, интонацией.

И, разумеется, скрыть собственные переживания можно далеко не всегда. Например, у нас в программе "События" идут несколько репортажей: один из хосписа, где умирают старики, второй из зоны – о детях, которые родились за колючей проволокой, третий из подмосковной деревни, где люди живут так же, как их предки в XVIII веке. И ты смотришь это вместе со зрителями, в прямом эфире. Конечно, переживаешь, и когда приходит твоя очередь, скрыть печаль практически невозможно.

– Многие ваши герои прожили жизнь под грифом "Совершенно секретно". Вы много времени проводите в архивах спецслужб. Наверняка у вас есть там и связи, и поклонники. Сейчас знакомство с чинами ФСБ позволяет делать феерические политические и творческие карьеры. Вам легче стало работать в эпоху Путина?

– Как можно помогать человеку, который раскапывает и описывает не только подвиги, но и гадости, числящиеся на твоём счету. Спецслужбы не раз выражали недовольствие по поводу некоторых передач. Нам-то казалось, что мы делаем всё доброжелательно. Но когда на стол кладёшь старый документ с резолюцией: "Расстрелять!" – голова идёт кругом. Я знаю, что за моей работой внимательно наблюдают: подшивают тексты, записывают и анализируют эфиры. Моё имя весьма часто

фигурирует в сводках, которые кладутся на столы в больших кабинетах. Горжусь одним. Часто в таких документах напротив фамилий журналистов стоит пометка – кем и за сколько ангажирован. У меня же стабильная характеристика – "независим".

– Вы автор и ведущий сразу трёх телепрограмм, одна из которых ежедневная и прямозфирная. Регулярно в "Алфавит" для рецензирования в рубрике "Человек читающий" издательства присылают весьма объёмные книги писателя Леонида Млечина, часто в газетах можно встретить статьи за вашей подписью. Что стоит за такой, извините, плодовитостью? Опять какая-то особенность, неприятие общепринятых форм досуга? Вы ведь, наверное, в театр, в кино, на выставки ходить не успеваете. Зачем вам так много работать? Ведь деньги можно заработать и менее трудоёмким способом?

– Просто мне безумно интересно. Я всегда извлекаю из работы бездну удовольствия, бездну! Меня вдохновляет сознание сделанного, доставляет подлинную радость. Важнее работы только сын. Ну и женщины играют не последнюю роль. Признаюсь, на дам я всегда реагировал... Другие методы "лечения" от работы для меня не существуют – ни карты, ни пьянки меня никогда не интересовали. А вот общение с женщинами всегда доставляло удовольствие... Знаете, из-за этого я не мог работать в библиотеке. Сидишь в читальном зале, вдруг открывается дверь, входит девушка – провожаешь её глазами. Только успокоишься – входит другая. Голова всё время крутится, нервы не выдерживают, работать невозможно. Пришлось брать книги на дом.

С гостем "Алфавита" разговаривала Яна Плотникова
Фото А. Изотова